

КАК ЭСТОНСКИЕ ХИППИ РАЗРУШИЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Героическая поэма в десяти частях с эпилогом

Михаил Дурненков

По мотивам книг Владимира Джа Гузмана, а так же Тибетской Книги Мертвых

Действующие лица:

- Леннон – 17 лет в канун 1973 года и 34 года в 1990
- УЛЛЕ – соответственно 16 и 34
- Арлекин – соответственно 20 и 37
- КАЛЛЕ-КРИШНА – соответственно 16 и 33
- АНУ – соответственно 17 и 34
- АЙВАР – 18

ДЖОКЕРЫ:

- 1-ый: Настоятель монастыря, 1-ый хиппи, слепой паломник, 1-ый Милиционер, Пожилой милиционер, Папа Калле.
- 2-ой: - Монах, 2-ой хиппи, слепой паломник, 2-ой Милиционер.
- 3-ий: - Слепой паломник, Молодой милиционер (Мартин)
- 4-ый: - Мама Калле, Психотерапевт, Прапрабабушка Улле, слепой паломник
- 5-ый: - Тайна, слепой паломник, Прабабушка Улле.
- 6-ой: Сирена, хиппи, слепой паломник, Бабушка Улле.
- 7-ой Джокер - слепой паломник, мама Улле.

1. СИСТЕМА

АРЛЕКИН. Система, я должен рассказать вам о своем новом мистическом откровении.

ЛЕННОН. Система, в данном случае это сам Арлекин, Улле, Калле-Кришна, Ану, и Айвар. Пипл из Таллина. Добрый пипл из Таллина.

КАЛЛЕ-КРИШНА. И ты, Леннон.

ЛЕННОН. Не знаю, почему меня называли Ленноном.

УЛЛЕ. Ну, привет. Потому что у тебя были такие же очки, бороденка и хайр.

АНУ. Айвар тоже хотел бы, чтобы его называли Ринго, может, поэтому и напялил тогда кепку.

АЙВАР. Это фуражка таксиста, это безумно круто, это макабрически круто.

АНУ. Но все звали его Айвар.

АЙВАР. Я еще не определился с кличкой. Мне нравится Бешеный. Еще мне нравится Дерево. Я как скандинавское Дерево, я мощный, ну то есть я не очень большой, но я страшно жилистый. Небольшой, но сука стремительный такой. Бешеный. Или Дерево. Но лучше всего Ринго.

АРЛЕКИН. Система, вы слушаете меня?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Для чего нам нужна была Система? Система нужна, чтобы объяснять вселенную, потому что если её не объяснять, в какой-то момент можно реально ебануться.

ЛЕННОН. Калле-Кришна, Кришна-Калле. Йог в тысяча девятьсот семьдесят втором году это почти то же самое...

УЛЛЕ. Почти то же самое что волшебник. Потому что все видели культовый фильм «Индийские йоги, кто они», и всем стало понятно, что это самые волшебные люди.

ЛЕННОН. Не самые волшебные.

УЛЛЕ. Самые волшебные, магические, сказочные люди, не надо со мной спорить, Леннон. И наш йог был Калле. Калле, ты секс.

АНУ. Кришна может прыгать сиськами. Кришна, попрыгай сиськами! Кришна прыгает сиськами!

КАЛЛЕ-КРИШНА. В Эстонской Автономной Республике живет реально отсталый, дикий пипл. Еще пятилетка и мы начнем выращивать на Марсе ганджу, а когда ты говоришь, что ты йог, хуторяне вздрагивают и тянутся за вилами.

ЛЕННОН. Кришна, какие хуторяне, даже гвозди, на которых ты красуешься перед герлицами, куплены в скобяной лавке в центре Таллина.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я принес благовония. Взрываем?

АЙВАР. Крутейшая вещь! Кришна, где ты достаем все эти ништяки?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Прана незримо пронизывают всё пространство вселенной.

ЛЕННОН. Кришна может достать всё что угодно.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Надо просто видеть эти потоки и подключаться к ним.

АЙВАР. Вот эта индийская вонь, меня от неё просто прет. Ну что, играем? Играем? Ану, играем?

АРЛЕКИН. Я должен рассказать вам про свое откровение.

АЙВАР. Играем!

Гаснет свет.

ЛЕННОН. Ужасно стремная игра. Слышите? Это упала гиля.

АЙВАР. Это я придумал! Получи!

УЛЛЕ. Все живые?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Лови!

ЛЕННОН. Айвар назвал эту игру «Молот Ведьм», она заключается в том, что бросать друг другу в темноте на голос тяжелую гантелю.....

АЙВАР. Ведьмы! Где вы, ведьмы?!

Хохот Улле и Ану.

АЙВАР. Ведьмы, а это вам!

ЛЕННОН. Ну как? Есть адреналин?

УЛЛЕ. Леннон лови!

Грохот.

УЛЛЕ. Леннон?

Пауза.

УЛЛЕ. Леннон? Ты живой? Леннон? Калев?

ЛЕННОН. Аааааа! Лови!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Поймал! Лови!

ЛЕННОН. Лови!

АНУ. Я тууууут!

АЙВАР. Это я придумал эту игру! Потому что я ничего не боюсь. Ничего не боюсь!

АРЛЕКИН. Хватит.

Включается свет.

ЛЕННОН. Самый серьезный человек на свете это Арлекин.

АРЛЕКИН. Потому что вещи, которыми мы занимаемся, очень серьезные. Жизнь и смерть. Бездна и наполнение. Вселенная и тишина.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Помните историю про гвоздь?

АНУ. Да, история про гвоздь, история про гвоздь! Арлекин, расскажи про гвоздь!

АРЛЕКИН. Гвоздь – это я. Мир это занавес, прибитый гвоздем к изнанке сознания. А гвоздь – это я.

ЛЕННОН. Арлекин однажды пришел в такой же дурацкой кепке как у Айвара...

АЙВАР. Это фуражка, она как у Ринго Стара, идиоты!

ЛЕННОН. ...снял её и мы все увидели гвоздь.

УЛЛЕ. Натуральный гвоздь, вбитый в лоб.

КАЛЛЕ-КРИШНА (ревниво). На сантиметр, не больше. Ерунда.

УЛЛЕ. Ерунда???

АРЛЕКИН. Я открывал третий глаз.

ЛЕННОН. Он открывал третий глаз, и решил вбить себе гвоздь.

АРЛЕКИН. Было больно, но я разолился.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Если бы он правильно работал с сознанием, то не ощутил бы боли.

АНУ. Красавчик Кришна не вбил себе гвоздь в лоб, а Арлекин вбил!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Потому что это не задача для йога!

ЛЕННОН. Мы пошли в пивную и показали гвоздь тамошнему пиплу. У них отвисли челюсти, нам тут же на халяву налили пива. Так мы тусовались три дня. Все могли потрогать Арлекина за гвоздь, при условии, что угостят нас пивом.

АРЛЕКИН. Они подключаются ко мне. Через гвоздь.

ЛЕННОН. Пиво текло рекой.

УЛЛЕ. Я когда увидела их, я офигела!

ЛЕННОН. Орала на нас....

УЛЛЕ. И погнала тут же Арлекина в травму, где ему вынули гвоздь. Врачи сказали, что еще немного и был бы поражен мозг.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Круто, что у Арлекина такой маленький мозг.

АНУ. Не завидуй.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я не завидую.

АНУ. Зато ты самый красивый.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Это ерунда.

АНУ. Ты такой йогический.... Расскажи, как ты в Таджикистан ездил хичхайкером.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да, давайте я расскажу, как я попал в Таджикистан. Это реально самая крутая история....

ЛЕННОН. Потом, Кришна, потом. Сейчас нужно вспомнить тот вечер. Мы валялись на детских раскладушках. Дымилась принесенные Кришной палочки-вонялочки. Айвар чем-то звякал в темноте...

АЙВАР. Я такую вещь принес, такую вещь скажу я вам...

ЛЕННОН. Арлекин сидел на подоконнике, я видел только его силуэт.

УЛЛЕ. Была зима.

АНУ. Снег валил в свете фонаря за окном. Я помню, валил снег.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Таллин. Это мой город.

ЛЕННОН. В тот вечер с нами со всеми и случился отлет.

2. ОТЛЕТ.

ЛЕННОН. Я уникальный чел. Я никогда не получал удовольствия от наркотиков.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да ладно.

ЛЕННОН. Да я тебе клянусь. Улле, чего ты ржешь?

УЛЛЕ. Так. Ничего. Вспомнила, как мы праздновали девятого октября, и как кто-то в одних трусах потом бегал по хутору и искал выход.

ЛЕННОН. Это не значит, что мне было хорошо.

УЛЛЕ. Тебе не было хорошо тогда? Той ночью?

АНУ. Раскудахтались голубки.

ЛЕННОН. Мы не голубки, у нас все честно – у нас с Улле фрилав. Иди ко мне, Ану, хочешь быть моей девушкой сегодня?

АНУ (смеясь). Ой, отстань, Леннон, ну отпусти же.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Мне кажется, тогда вообще никто не воспринимал наркотики как развлечение. Помнишь, как говорил Арлекин?

ЛЕННОН. Помню.

АРЛЕКИН. Наркотики это способ узнать о себе и заглянуть за циферблат мира.

АЙВАР. Но кайфануть тоже не мешает. А? Что вы на меня смотрите? Я просто единственный кто говорит правду!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Психоактивные вещества бывают разными. Самая улетная трава растет в центре у памятника Ленину напротив ЦК КПЭ.

АНУ. Уже не растет. Её всю выдрал Айвар.

АЙВАР. Я делаю это днем, на глазах у партработников. Потому что никто из них не знает, что такое дурь.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Росла. А еще был димедрол. Иногда была маза купить его без рецепта.

УЛЛЕ. Мерзкая гадость.

ЛЕННОН. Мы его любили не за вкус.

АНУ. Циклодол еще. Но мне нельзя циклодол. От него у меня сползает кожа, и ты ходишь вся мясная и голая.

ЛЕННОН. Ты и без кожи ничего.

АНУ. Отстань, Леннон!

АЙВАР. Когда закидываешься циклодолом, главное не вглядываться в предметы дольше пяти минут. Начинаешь проваливаться внутрь, как в жидкий цемент, всё глубже и глубже и если к концу прихода не успеешь вылезти, то всё - застрял.

УЛЛЕ. Трефтазин. Астматол.

ЛЕННОН. Да, да это был такой табак для астматиков, который надо заваривать как чай.

УЛЛЕ. Тарен или Апрофен...

КАЛЛЕ-КРИШНА. В принципе все описанные эффекты могут достигаться при помощи медитации и дыхательных упражнений. Вы слишком ленивы для того, чтобы остановить вихрь сознания и раствориться в таковости бытия.

ЛЕННОН. Но тогда самой потрясающей штукой был пятновыводитель «Сопалс».

АНУ. Сопалс?

АЙВАР. Молодец Ану! Угадала. Именно это я и принес.

ЛЕННОН. Сопалс. С красной крышечкой. Купленный в отделе бытовой химии.

АЙВАР. Потому что благовония это конечно круто, но что мы будем делать дальше? Бешеный заранее позаботился о вечере. Кто крутой? Бешеный крутой.

ЛЕННОН. Айвар в этом смысле был неостановим.

АРЛЕКИН. Так вот, то Мистическое Озарение, произошло со мной когда я пропитался этим удивительным психоактивным веществом.

АЙВАР. Кстати, еще рецепт. Если в сифон для газводы налить самый дешевый портвейн, то одной бутылки хватит, чтобы...

АРЛЕКИН. Айвар, остановись. Мистическое Озарение.

АЙВАР. Мистическое озарение.

АРЛЕКИН. Мистическое озарение.

УЛЛЕ. В мистическом озарении Арлекин парил.

АРЛЕКИН. Я парил.

ЛЕННОН. Арлекин скользил по астральному плану.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Реальность, существующая в изнанке миров.

АРЛЕКИН. Я парил.

УЛЛЕ. Арлекин парил как орел.

ЛЕННОН. Арлекин видел танец.

УЛЛЕ. Танец Спящих вокруг Мертвого.

АРЛЕКИН. Я парил.

АНУ. Алекин видел, как тысячи тысяч слепых Паломников водят хоровод вокруг Кремля.

АРЛЕКИН. Спящие вокруг Мертвого.

ЛЕННОН. И над всем этим парил как орел Арлекин.

АРЛЕКИН. Я парил.

УЛЛЕ. Там в мире духов, вокруг Кремля слепые Паломники водят свои астральные хороводы.

АЙВАР. Они накачивают Кремль особой магической силой.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Ведь там, в мавзолее лежит третий Глаз. Он управляет реальностью.

ЛЕННОН. Он управляет всеми нами.

АНУ. Всем СССР, всеми пятнадцатью союзными республиками, всей империей.

АРЛЕКИН. Я парил.

УЛЛЕ. Империя питается силой этих слепцов. Силой этого хоровода.

КАЛЛЕ-КРИШНА. И в Новый Год куранты начинают бить.

АНУ. Бой курантов!

УЛЛЕ. Паломники ускоряют танец!

АНУ. Слепцы начинают плясать как безумные!

АЙВАР. Невыносимые узоры! Узоры узоров хороводов!

АРЛЕКИН. Глаз!

ЛЕННОН. Глаз открывается!

АЙВАР. Глаз смотрит на империю. Он оглядывает все пятнадцать союзных республик.

АНУ. Охренительно огромный глаз, с желтыми прожилками, такой покрасневший старческий глаз.

УЛЛЕ. Глаз смотрит несколько секунд.

КАЛЛЕ-КРИШНА. А затем закрывается.

ЛЕННОН. Глаз закрывается.

АЙВАР. На год. До следующих новогодних курантов.

АРЛЕКИН. Я парил. Я видел.

Пауза.

АЙВАР. Ну и хрень же.

ЛЕННОН. Ха.

АНУ. Нормально так перебрал.

АРЛЕКИН. Я видел.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я верю в мистические откровения. Но не от человека, который вбивает себе в лоб гвозди.

АРЛЕКИН. Вы же дышали Сопалсом, вы же были там?

ЛЕННОН. Под Сопалсом можно увидеть всё что угодно.

АРЛЕКИН. Вы увидите! Я отведу вас туда, и вы сами все увидите!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я не хочу в мавзолей, я уже был там с родителями. На самом деле.

АРЛЕКИН. Это не глюк, это... это мистический механизм управления всеми нами! Мне никто не верит.

ЛЕННОН. Мы не то чтобы не верим Арлекину. Мы не принимаем это всерьез.

УЛЛЕ. Я тебе верю, Арлекишечка. А они все дураки.

АЙВАР. Хватит болтать. Давайте дышать.

УЛЛЕ. Говорили, если поменяться с кем-нибудь платочками с Сопалсом, можно увидеть чужой приход.

ЛЕННОН. Дай мне свой, а я тебе свой.

УЛЛЕ. Возьми у Ану. Это же фрилав.

ЛЕННОН. Ну перестань дуться. Иди сюда. Улле-эльфи-ушки, иди сюда.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Говорили, что под приходом Сопалса можно управлять реальностью.

АРЛЕКИН. Это пространство практической магии.

ЛЕННОН. Однажды мы под Сопалсом воздействовали на бармена в ресторане, и он наливал нам и наливал, пока мы не сжалились и не перестали управлять им.

АРЛЕКИН. Потому что становится совершенно, кристально, абсолютно ясно – доступный нам мир это обман.

ЛЕННОН. И наши чувства это обман.

УЛЛЕ. Ну вот и сиди один тогда.

ЛЕННОН. Но это же не я говорил, а Арлекин! Куда ты пошла, Улле, ты достала уже!

УЛЛЕ. А есть еще такой эффект – что всё, что с тобой было, уже когда-то было. И ты чувствуешь, что все, что происходит, повторяется и повторяется, опять и опять, миллионы миллиардов раз. И это так бесит.

АНУ. А еще под Сопалсом происходит такая странная вещь. Откуда-то из других пространств, из другой реальности, метафизическим ветром выдувает Джокера.

АРЛЕКИН. Джокер, магический голем, проекция посторонних мыслей. Джокер может притвориться любым человеком, его задача обмануть тебя, заставить поверить в псевдореальность.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Но только не меня, только не настоящего йога.

АРЛЕКИН. Опасайтесь Джокера.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Опытный психонавт легко вычислит Джокера. У Джокера на затылке есть еще одно лицо, надо просто заплыть ему за спину и посмотреть.

ЛЕННОН. Но это так адски сложно сделать, когда у тебя трип.

АЙВАР. Хватит болтать. Давайте дышать.

УЛЛЕ. И вот сейчас у меня опять это дежа вю, всё повторяется и повторяется, как много раз раньше, и еще до меня и еще раньше....

КАЛЛЕ-КРИШНА. Ну, что называется – хайре рама, хайре кришна, господа хорошие.

АЙВАР. И вам всего хорошего.

АРЛЕКИН. Дышим.

Дышим. Дышим. Дышим.

Нет людей. Люди это всего лишь углы, удобные для того, чтобы ветру сознания было куда задувать мусор реальности. Людей нет, люди это углы, в которые ветром нанесло семейные фотографии, случайно подобранные камни,

рваные фенечки

треснутые чашки

затертый конверт с пластинкой

платок с вышитой буквой эм

пластиковый чебурашка

билет на автобус

стакан с недопитым компотом

встреча на реке

пыльный день

ветка ольхи

жук в оконной раме

второе января

холодный кинотеатр

след в снегу

собачья шерсть на брюках

треснутые очки

абрикосовая косточка

трухлявая сыроежка

А кроме этого нет ничего.

Еще есть дыхание.

В пустоте слышно чье-то дыхание.

АРЛЕКИН. А еще я вижу площадь. И на земле лежит кем-то забытый предмет. Я приглядываюсь к нему и вижу. Это железная флейта.

3. ЖЕЛЕЗНАЯ ФЛЕЙТА.

ЛЕННОН. Вернее было поле. Такое огромное поле конопли. И посередине самый настоящий буддийский монастырь. Со стенами и воротами и всякой прочей штукой, которая полагается буддийскому монастырю.

УЛЛЕ. Мне показалось у стены какие-то суслики бегали, но когда я подошла, все попрятались.

ЛЕННОН. Ану обошла его по кругу. Все стояли перед воротами – Улле, Арлекин и Кришна.

АРЛЕКИН. Как здесь тихо, слышите?

ЛЕННОН. Давайте еще раз постучим. Откройте! Эй! Откройте!

АНУ. Это ведь настоящий буддийский монастырь. Охренеть.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Это бурятский дацан.

АНУ. Откуда знаешь?

ЛЕННОН. Это глупый вопрос, потому что на воротах висело гигантское изображение Ленина на красном кумачевом полотнище.

АНУ. Мне кажется, ты ищешь логику там, где её просто не может быть.

ЛЕННОН. Это наш, советский бурятский дацан. Что ты со мной споришь?

АНУ. Ветра нет, а кумач колышется. Видите?

АРЛЕКИН. Не колышется. А нет, колышется.

УЛЛЕ. Где же он колышется? Хотя....

КАЛЛЕ-КРИШНА. Нет. Это иллюзия. Ветра же нет.

АНУ. А ты приглядиись.

Пауза.

ЛЕННОН. Откройте!

УЛЛЕ. Не кричи. А то как-то жутко.

ЛЕННОН. Ничего не делать тоже жутко.

КАЛЛЕ-КРИШНА. А где Айвар?

АНУ. Да, кстати. С нами же был Айвар.

АРЛЕКИН. Айвар!

ЛЕННОН. Айвар!

УЛЛЕ. Айвар, ты где?

АЙВАР. Как вы умудрились так накуриться? Там же немного было, буквально на пятку.

ЛЕННОН. Не понятно где все это время был Айвар.

АЙВАР. Я ходил к сторожу. Сторож говорит монахи уехали в колхоз на картошку, вернутся вечером. А настоятеля срочно вызвали в горисполком. Поэтому и монастырь закрыт.

ЛЕННОН. Так. А мы здесь что делаем?

АЙВАР. Ну вас, правда, как-то выстегнуло. Ты же сам первый кричал, давайте дунем и сразу в дацан.

УЛЛЕ. Да, я что-то припоминаю такое.... Что-то такое....

АЙВАР. Это был бурятский пластилин. Его знаете, как собирают? Самые красивые бурятские девушки выходят рано утром к полю, раздеваются и бегут голышом, стуча в бубны из оленьей кожи сквозь поле, пока пыльца не облепит все тело. Потом собираются и начинают помогать друг другу собирать....

УЛЛЕ. Айвар, от твоих фантазий меня тошнит. Все утро тошнит.

АЙВАР. Ты просто перекурила. Попей водички.

ЛЕННОН. И тогда я предложил вернуться в город, купить вина и затусить с местными.

УЛЛЕ. Ты всегда предлагаешь одно и то же.

ЛЕННОН. Потому что этот рецепт работает всегда.

НАСТОЯТЕЛЬ. Здравствуйте. Это вот те самые люди, которых мы ждали?

ЛЕННОН. Настоятель был вылитый Ханс Густавович Пэгэльман, каким он изображен на памятнике. С ним был монах. Он называли его «ваше святейшество»

МОНАХ. Да, да, они самые ваше святейшество.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Ом мани падме хум!

НАСТОЯТЕЛЬ. Падме хум, товарищи.

АЙВАР. О! А нам сказали, вас в горисполком вызвали.

НАСТОЯТЕЛЬ. Вызвали. Но мне повезло, я могу быть одновременно и с вами и в горисполкоме.

МОНАХ. Его святейшество шутит.

АЙВАР. У вас очень ништяковый дацан, ваше святейшество!

НАСТОЯТЕЛЬ. Его не существует, это иллюзия. Но если для вас он выглядит как «ништяковый», то мне это очень приятно.

МОНАХ. Его святейшество опять шутит.

ЛЕННОН. Мы с вашего разрешения хотели бы осмотреть монастырь.

НАСТОЯТЕЛЬ. Вы ошибаетесь.

ЛЕННОН. Мы ошибаемся?

НАСТОЯТЕЛЬ. Вы пришли, чтобы получить флейту. Вы же Калев, так же известный как Леннон?

ЛЕННОН. Да, но....

НАСТОЯТЕЛЬ. А это ваши друзья – Арлекин, Улле, Ану, Айвар и Калле? Или лучше Калле-Кришна?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Нет ничего удивительного, что он знает о нас всё. В состоянии сатори суть вещей обнажается.

НАСТОЯТЕЛЬ. Сатори не при чем. Айвар сообщил нашему сторожу ваши имена. А тот передал мне.

МОНАХ. Но это не важно.

НАСТОЯТЕЛЬ. Не важно, что подбрасывает нам сознание в качестве объяснений. По одной из версий вы просто надышались Сопалсом в детском садике в центре Таллина, где Леннон работает ночным сторожем.

Пауза.

НАСТОЯТЕЛЬ. А вокруг ночной Таллин и зима и мягкий снег бесшумно валит в свете фонарей за окнами.

ЛЕННОН. Помните? Как Кришна поджигал благовония, и как мы играли в молот ведьм. И как Айвар достал Сопалс, а Арлекин рассказывал о своем мистическом откровении.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Все так и было. Мы надышались Сопалсом и отлетели.

АНУ. Мальчики мне страшно, у меня кружится голова.

УЛЛЕ. Леннон?

ЛЕННОН. Пожалуй. Пожалуй, это самая правдивая версия, ваше святейшество.

НАСТОЯТЕЛЬ. В равной степени такая же правдивая, как и все остальные версии.

МОНАХ. Его святейшество шутит.

НАСТОЯТЕЛЬ. Или нет.

МОНАХ. Но это не важно.

НАСТОЯТЕЛЬ. Важно то, ради чего мы здесь собрались. Арлекин видел устройство мира. Он видел Кремль и Третий Глаз, который управляет империей...

АРЛЕКИН. А? Что я говорил? А вы мне не верили!

НАСТОЯТЕЛЬ. И теперь ваша миссия уничтожить его.

АЙВАР. Кого?

НАСТОЯТЕЛЬ. Ваша задача уничтожить Глаз и разрушить империю. Вот этой волшебной флейтой.

ЛЕННОН. Это флейта?

НАСТОЯТЕЛЬ. Да.

ЛЕННОН. Это палка, а не флейта. В ней нет отверстий. И она целиком железная. Железная палка.

НАСТОЯТЕЛЬ. Но это флейта.

МОНАХ. Эта флейта принадлежала Иэну Андерсону из Джетро Талл.

НАСТОЯТЕЛЬ. И он лабал на ней Акваланг.

МОНАХ. Его святейшество шутит.

НАСТОЯТЕЛЬ. Может, хватит?

МОНАХ. Что именно?

НАСТОЯТЕЛЬ. Может, хватит говорить мне под руку?

МОНАХ. А что?

НАСТОЯТЕЛЬ. Ну просто вот каждый раз когда я что-то говорю, ты говоришь, что я шучу. Каждый чертов раз! Не устал еще?

МОНАХ. Подумаешь. Я вообще могу молчать.

НАСТОЯТЕЛЬ. Ну так и молчи. А в чем дело?

МОНАХ. Я могу вообще ничего не говорить. Что?

НАСТОЯТЕЛЬ. Да ничего.

Пауза.

АРЛЕКИН. Ваше святейшество....

НАСТОЯТЕЛЬ. Ну просто я не понимаю.... Я же попросил!

АРЛЕКИН. Вы говорили, что мы должны уничтожить империю... этой флейтой?

ЛЕННОН. Он сказал СССР. Что мы должны разрушить СССР. И что мы не просто так попали к нему.

НАСТОЯТЕЛЬ. Потому что вы избранные.

ЛЕННОН. И что мы должны отправиться в путь и разрушить империю зла.

КАЛЛЕ-КРИШНА. А что было бы, если бы мы отказались?

ЛЕННОН. Айвар так и спросил.

АЙВАР. А если мы откажемся?

НАСТОЯТЕЛЬ. Калле, напomini ребятам, в чем заключается клятва бодхисаттвы?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Помогать всем живым существам, пока все до последнего они не освободятся от цепочки страданий старости болезней смерти и новых перерождений.

НАСТОЯТЕЛЬ. А это очень, очень, очень долго, ребята.

Пауза.

АЙВАР. Терпеть не могу, когда мне угрожают.

ЛЕННОН. Можно мы подумаем? В сторонке?

Пауза.

ЛЕННОН. И мы подумали.

АРЛЕКИН. Я не понимаю. Мы что? Не хотим быть избранными? Мы же избранные! Мы как хоббиты и Гендальф, и от нас зависит судьба Средиземья.

АЙВАР. И Гендальф это, конечно, ты?

ЛЕННОН. А я так считаю – надо не напрягаться. Если напрягаться, то любой трип превратится в бэд-трип. Нужно скользить.

АЙВАР. Кто сказал, что я не скольжу?! Я просто не люблю, когда мне угрожают.

ЛЕННОН. Девчонки? Улле?

УЛЛЕ. Я как ты.

ЛЕННОН. Ану?

АНУ. Ну а какой у меня выбор, если вы уже всё решили?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Войдем в историю. Про нас будут говорить – «те самые таллинские хиппи, которые в семьдесят втором разрушили СССР».

ЛЕННОН. Айварище?

АЙВАР. Я уже сказал – я ничего не боюсь. Я не очень въехал, как мы этой штукой будем мочить тот глаз, но я бы попробовал.

АРЛЕКИН. Тогда надо сказать его святейшеству, что...

ЛЕННОН. Но его святейшества уже нигде не было. Так же как не было монастыря, поля, и всего прочего, потому что к этому времени уже начался сейшен.

4. «СЕЙШЕН».

ЛЕННОН. На сейшене легко потеряться, столько народу, какой-то незнакомый хайратый пипл, все в дыму и угаре.

УЛЛЕ. Там зовут за фикус выпивать, ты идешь?

ЛЕННОН. Куда?

УЛЛЕ. Там...

АЙВАР. Смотрите, это Леннон, Леннон смотри какие девчонки! Айда с нами!

ЛЕННОН. Привет! Я еще немного тусанусь, а потом подышать выйду.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Отказывая себе в пользовании низшими чакрами, и пропуская чувственные токи через тысячелестковую сахарару, ты достигаешь праджняпарамиты четвертого состояния буквально в первой же позе.... Ты уверена, что хочешь знать, в какой именно позе это происходит?

АРЛЕКИН. Что это? Как? Виси? Виши? Тоже пятновыводитель? Это очень интересно!

АНУ. Представляете, я только что была на бэкстэйдж! Музыканты потрясные! Угостили меня пивом! А где Улле? Я им обещала, что вернусь с подружкой.

АЙВАР. Я впервые видел, как на сцене разбили гитару!

ЛЕННОН. Она же фанерная.

АЙВАР. Она настоящая, я стоял рядом и видел сам. Кусок деки отлетел и впился какому-то хипану в щеку, и тот дико стебался, ржал и размазывал кровь со щеки по соседям.

КАЛЛЕ-КРИШНА. А здесь находится Вишуддха-чакра, связанная с познанием во сне, здесь Анахата, сердечная чакра...

АРЛЕКИН. Отныне все вы в моем сердце. Все вы в моем сердце!

ЛЕННОН. Соло! Давай соло! Соло на железной флейте!

КАЛЛЕ-КРИШНА. А тут Муладхара... Тебе не щекотно?

АРЛЕКИН. Идите ко мне дети мои, я буду причащать вас светоооооооом!

УЛЛЕ. Мы кружимся, мы кружимся, мы кружимся!

АЙВАР. Я прорастаю сквозь облака!

ЛЕННОН. Я чувствую любовь!

АНУ. У меня самые крутые кожаные штаны в Советской Эстонской Республике!

КТО-ТО. Облааааааааааааа!

Пауза.

ЛЕННОН. За краткие мгновения счастья человек расплачивается долгой унылой тоской.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

ЛЕННОН. Почему за мгновения счастья человек должен расплачиваться долгой унылой тоской? Разве это справедливо?

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного мероприятия в академии художеств?

АРЛЕКИН. Знаете, почему я молчу? Потому что у меня нет рта. Совсем нет, гладкое место. Как на жопе.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто сообщил вам о готовящемся концерте в Вышгороде?

КАЛЛЕ КРИШНА. Два, четыре, семь, шестнадцать.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

АНУ. Если тебя переодеть в нормальный шмот, ты будешь даже симпатичный.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

АНУ. У меня одноклассник пошел в милицию. Был в меня влюблен, прикинь. Мартин его звали. Гусь Мартин. Скучный такой.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

ЛЕННОН. Отпусти мне руку, гад, сломаешь.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

УЛЛЕ. Леннон. То есть Калев. Он же у вас? Вы его тоже взяли?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного концерта в академии художеств?

АРЛЕКИН. Я представляю себе лестницу на небеса. Прекрасную лестницу на небеса. И по ней я поднимаюсь на первое небо. Первое небо, это небо вежливых праведников, здесь все говорят «спасибо» и «пожалуйста»...

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто сообщил вам о готовящемся концерте в заброшенной академии?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного мероприятия под мостом?

ЛЕННОН. Если это и есть похмелье, то я больше никогда в жизни не буду пить. Никогда в жизни больше не буду пить. Клянусь.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного концерта в академии художеств под мостом в Вышгороде?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Два, четыре, семь, шестнадцать, это телефон. Я что-то не вижу, чтобы вы записывали. Или вы так запомнили?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

АНУ. И вообще, у меня месячные, если вам интересно знать.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы. Кто был организатором незаконного концерта в академии художеств? Кто был в Вышгороде? Кто был в академии?

ЛЕННОН. Это какая-то хрень, я ничего не понимаю.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного концерта в мероприятии?

УЛЛЕ. Он такой, с очками. Круглые такие очки, глаза умные. Он очень добрый.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором, кто был организатором?

УЛЛЕ. У него узкие пальцы. Он когда тихонько смеется, трогает себя за нос.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного не отвлекайтесь от вопросов.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Вы звонили или не звонили? Вы уже позвонили? Что вам ответили?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного концерта в мероприятии?

АРЛЕКИН. На шестнадцатом небе нас встретят люди, которые всю жизнь согревали других. На семнадцатом небе живет младенец со взглядом орла. На восемнадцатом....

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

АНУ. Воняет тут у вас. Чем это воняет? Или мне кажется? И капает. Что-то все время капает.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили, кто был организатором?

ЛЕННОН. Отпустите меня. Пожалуйста.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Когда вам предложили спуститься под мост, в компании, кто еще был с вами?

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Какое сегодня число? Вы уже позвонили? Это номер моих родителей.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

АНУ. Я хочу домой.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы. Отвечайте на вопросы.

УЛЛЕ. Еще вопросы?

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь. Отвечайте на вопросы.

АЙВАР. Аааааааа! Хватит! Хватит, я сказал!

Пауза.

ЛЕННОН. Айвар, что происходит?

АЙВАР. Это я.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Что ты?

АЙВАР. Это из-за меня. Вот это всё, это из-за меня. Ты сказал скользи, а я не могу. Я не могу больше скользить!

АРЛЕКИН. У мальчика истерика. И мы тут застряли. Из-за него.

ЛЕННОН. Арлекин погоди. Айвар?

АЙВАР. Я не могу.

УЛЛЕ. Айвар, миленький....

АЙВАР. Я не могу, Улле. Они свинтили меня на сейшене. Я орал и дрался, а они взяли и... вот.

АРЛЕКИН. С ними с самого начала не надо разговаривать, это же Джокеры. И с ним не надо разговаривать, это просто сущности, которых притянула Сопалсом.

ЛЕННОН. Арлекин, я же попросил тебя!

АРЛЕКИН. Мы тратим время.

ЛЕННОН. Арлекин!

АЙВАР. Мне было стыдно, и я надел кепку. Не потому что она была как у Ринго.

АНУ. Айвар, твои волосы, твой хайр...

ЛЕННОН. У Айвара был шикарный хайр, до тех пор, пока менты после какого-то сейшена не побрили его на лысо. Но главное было не это. Главное был страх.

АЙВАР. Я ведь никогда никого не боялся.

ЛЕННОН. У него появился страх.

АЙВАР. И каждый раз я думаю – мне страшно, мне нельзя бояться, иначе бэд трип, нельзя ничего бояться, но мне страшно, страшно, страшно!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Ну я не знаю. Надо правильно дышать и расслабить живот, и страх уйдет. Я так всегда делаю.

АНУ. Бедненький Айвар.

АРЛЕКИН. Нам пора. У нас миссия.

ЛЕННОН. Нельзя его бросать.

АРЛЕКИН. Мы останемся тут из-за него на веки вечные. А нам нельзя оставаться. Так ведь, Айвар?

ЛЕННОН. Не дави на него, ему и так страшно!

АЙВАР. Нельзя оставаться. Я должен сам. Я разберусь. Они меня допросят и выпустят. Правда, ведь? Что они со мной сделают? Допросят и выпустят. А я потом вас догоню. Приду на флэт к Арлекину. Кришна принесет чай. Настоящий индийский, как я люблю. Заварим чай, поставим винил, будем пить чай и расслабляться. И в окно смотреть. Да? Всё ж нормально?

ЛЕННОН. Айвар.

АЙВАР. Идите уже.

1-ЫЙ МИЛИЦИОНЕР. Не отвлекайтесь, отвечайте на вопросы.

АЙВАР. Я не отвлекаюсь, я готов.

2-ОЙ МИЛИЦИОНЕР. Кто был организатором незаконного концерта в академии художеств?

АЙВАР. Да если бы знал, не сказал бы.

Пауза.

ЛЕННОН. Наши пути с ним разошлись. Я не видел Айвара много лет. Говорят, его как-то неудачно свинтили на каком-то сейшене, он сильно навалял милиционеру, его судили, он отсидел два года за злостное хулиганство.

УЛЛЕ. Он был такой вспыльчивый и неудержимый, наш Айвар. В тюрьме сошелся с какими-то уголовниками, на свободе пытался устроиться на работу. Его никуда не брали.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я пытался помочь устроиться садовником в парк, он долго не продержался. Напился и сжег домик с инструментами. Потом попытался ограбить почтовый ларек. Опять сел.

ЛЕННОН. В тюрьме подхватил туберкулез. Сгорел за три года.

АНУ. Он же был как порох, наш Айвар. Хватило одной искры.

АЙВАР. Мне нравится, когда меня называют Бешеный, еще мне нравится, когда меня называют Дерево, но больше всего я люблю, когда меня называют Ринго.

5. «ON THE ROAD»

ЛЕННОН. «On the road» – было написано на автобусе, на всем его боку. У Кена Кизи, я уверен был точно такой же автобус.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Вряд ли у Кизи был такой шикарный битый автобус марки ЕРАЗ.

АНУ. Эй, пипл! Вы откуда такие нарядные?

2-ОЙ ХИППИ. Мы из Киева! Давай с нами, красавица, места хватит!

ЛЕННОН. А куда едете?

1-ЫЙ ХИППИ. Ты что не в курсе, чувак? Мерт Лошадь и Алик Косой объявили всесоюзный съезд системы.

2-ОЙ ХИППИ. Будет новый Вудсток! На островах! Будем слушать музыку, мэйкать лав и всё такое! Залезай, есть вино и ништяки!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Может нам надо туда? Все наши там.

АРЛЕКИН. Нам же вроде в Кремль. Помнишь, что говорил лама?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да, но это не значит, что нам нельзя попросить помощи.

ЛЕННОН. Всесоюзный съезд хиппи, представляешь, какое невъебическое количество пипла там соберется. Будут самые олдовые чуваки системы, реальные мудрецы.

АРЛЕКИН. Ну не знаю....

2-ОЙ ХИППИ. Держи, красотка, сам сплел.

АНУ. Красивый узор, мэн.

2-ОЙ ХИППИ. В этом узоре всё моё либидО, гёрл.

1-ЫЙ ХИППИ. Это обычные чернила. Но пьются очень хорошо. Это жидкий пис и жидкий лав – прими их внутрь, чувак, пис энд лав, чувак.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Это не вино, это сома, это напиток богов. Мне кажется, я ничего вкуснее не пил. А спальник у вас лишний имеется?

АРЛЕКИН. Ты же йог, зачем тебе спальник?

1-ЫЙ ХИППИ. Нет спальников, но есть одеяла, есть поля, леса и реки. Мы будем купаться голышом, загорать на солнце, и курить под звездами, бегать по полям, печь в костре картошку, и аскать мелочь.

АНУ. А я умею петь Калифорния Дримин, в обмен на еду.

2-ОЙ ХИППИ. Ты маленькая, но очень ценная. Прыгай ко мне.

АНУ. Чуваки, я хочу с ними. Давайте, с ними!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Представляете, какое количество просветленных там соберется? Все йоги СССР. Мудрость ведрами, да что там ведрами, праджнями!

1-ЫЙ ХИППИ. А теперь прикинь, какой канал трансэнергии откроется в том месте? В четыре дерева бодхи толщиной и высотой, от земли до неба! Представляешь?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Как охренительных размеров светящаяся пуповина!

1-ЫЙ ХИППИ. В самую точку!

АРЛЕКИН. Ну, в принципе можно сделать крючок. Посмотрим тамошние психотехники....

ЛЕННОН. Решено! Едем.

УЛЛЕ. Едем!

ЛЕННОН. Нет! Не едем! Мы не едем!

УЛЛЕ. Леннон? Ребята, с Ленноном что-то не то, Леннон?

ЛЕННОН. Я Леннон. В смысле... я Леннон. Я – Леннон!

УЛЛЕ. В смысле, «ты Леннон»?

ЛЕННОН. Тут надо прояснить один момент. Когда тобой овладевает демон, ты закатываешь глаза, роняешь пену, говоришь нечеловеческим басом и выгибаешься дугой. Когда в тебя вселяется дух Джона Леннона, ты испытываешь офигенное радостное чувство, будто в тебя накачали шампанское, в котором вместо пузырьков - звезды. Во мне Джон Леннон и я самый крутой хиппи в совке! Эй, система, дух Джона Леннона осенил собой это тело и приветствует всех вас! Олл ю нид из лав, братья и сестры!

УЛЛЕ. Привет, Джон! Чем докажешь?

ЛЕННОН. И тут я делаю то, что может сделать только Джон Леннон и больше никто. Все потрясены.

Пауза.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да ладно?

ЛЕННОН. И тут я еще раз делаю то, что может сделать только Джон Леннон и больше никто. И все потрясены окончательно.

Пауза.

АРЛЕКИН. Не знаю как остальные, а я потрясен.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да, это же настоящий дух Джона Леннона!

УЛЛЕ. Джон, а ты надолго в теле... в этом теле?

ЛЕННОН. Хочешь, чтобы я оставил Калева и ушел?

УЛЛЕ. Нет, я конечно очень рада тебе, но...

АРЛЕКИН. Улле, что ты говоришь?! Как можно променять этого Леннона на нашего Леннона? Джон, почувствуй себя как дома, Джон! Оставайся с нами навсегда! Я уверен Калев не против!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Джон, проясни насчет Пола. Он жив, или это чертов двойник? Как в этом разобраться, Джон!

АНУ. Джон, скажи, что это не правда, что вы распались из-за Йоко, она же такая классная!

УЛЛЕ. Пойми меня правильно, Джон, ты Бог, но я привыкла к другому Леннону.

АРЛЕКИН. Ты видишь, какие это неблагодарные люди, Джон? Займи мое тело, Джон!

ЛЕННОН. Подождите, не все сразу. Я ненадолго. Мне сложно поддерживать нашу связь, и уже пора обратно. Я пришел, чтобы предостеречь вас – вам не надо на острова.

АНУ. Подождите, а это точно настоящий Леннон?

ЛЕННОН. Вам не надо на острова, потому что весь этот съезд, это кэгэбэшная операция под прикрытием, которую придумали, чтобы накрыть всю хиповскую систему СССР разом.

1-ОЙ ХИППИ. Ваш друг что, кислого съел? Ему плохо?

ЛЕННОН. А эти люди в автобусе их вовсе нет, они всего лишь психическая проекция вашего сознания, вашей усталости. Они то, что вы хотите увидеть, они пустота.

2-ЫЙ ХИППИ. Кто еще тут пустота, чувак?

1-ЫЙ ХИППИ. Хватит ругаться, чувак, пис энд лав, пис энд лав!

ЛЕННОН. Разве вы забыли, кто вы и зачем призваны? Разве я пришел к вам, если бы вы не были избранными? Вы храните железную флейту Йена Андерсена!

1-ЫЙ ХИППИ. У вашего друга передоз. Давайте его свяжем, пока его не отпустит?

УЛЛЕ. Отошел от него, быстро.

1-ЫЙ ХИППИ. Я его не трогаю, я даже пальцем не дотронулся! Пис энд лав, герл!

2-ОЙ ХИППИ. Я не понял - так вы едете с нами, или нет? Нам пора, решайте.

ЛЕННОН. Вы должны исполнить предначертанное, пока всех не свинтили.

2-ОЙ ХИППИ. Ану, прыгай к нам! Пора в дорогу!

АНУ. Знаешь что... Забери-ка свою фенечку чувак.

2-ОЙ ХИППИ. Ты чего?

АНУ. Я не говорила тебе, что меня зовут Ану. Ты не можешь знать моего имени.

2-ОЙ ХИППИ. Ну и что?

АНУ. Ты ненастоящий.

1-ЫЙ ХИППИ. Настоящий-ненастоящий, какая разница? Это всё конвенциональная чушь, которой пичкают нас родители дома, боссы на работе, дядьки из телевизора! Они просто хотят нас использовать, хотят эксплуатировать нас, превратить нас в рабов своего материального мира! В жопу такую реальность! Да здравствует нереальность!

2-ОЙ ХИППИ. Но я же тебе нравлюсь! Ану!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Езжайте без нас, ребята. Ом мани падме хум.

1-ЫЙ ХИППИ. Все хиппи соберутся на островах, мы создадим царство любви и цветов. Вы уже просрали один Вудсток, неужели хотите просрать второй?

АРЛЕКИН. Валите, демоны, валите. У нас дела.

АНУ. Езжай без меня. Ты клевая проекция. Ты и должен быть клевым, ведь я тебя выдумала таким, каким ты мне нужен. Но не сейчас. В другое время в другом месте. Сам понимаешь.

1-ЫЙ ХИППИ. Просто позволь себе...

2-ОЙ ХИППИ. Подожди, брат. Они не пойдут с нами, разве ты не видишь? Ану... Я все понимаю, Ану. Я говорю только то, что ты хочешь услышать, но я искренне верю в то, что говорю. Ты самая прекрасная девушка на свете.

АНУ. А ты самый прекрасный на свете глюк.

2-ОЙ ХИППИ. Глюки не повторяются. Особенно самые прекрасные. Бай-бай, Ану.

АНУ. Бай-бай, мой дружок.

1-ЫЙ ХИППИ. Пис энд лав, чуваки, пис энд лав....

Хиппи, с характерной для галлюцинации незаметностью, исчезают, пауза.

УЛЛЕ. Так устроен мир, Ану. Сначала суп, а только потом мороженое.

ЛЕННОН. Йоко, это свет моей жизни.

АНУ. Что ты там говоришь?

ЛЕННОН. Ты спрашивала, и я отвечаю. Йоко, это свет моей жизни.

Пауза.

УЛЛЕ. И что нам теперь делать дальше, Джон?

КАЛЛЕ-КРИШНА. И что насчет Пола?

АРЛЕКИН. Джон?

УЛЛЕ. Джон? Ты тут?

ЛЕННОН. Пипл, я по-прежнему с вами. То есть часть духа Джона Леннона по-прежнему во мне. И знаете, что она говорит мне? Что праздник продолжается. И что в принципе страшного не случится, если мы завернем на острова, тусанем там как следует, а потом отправимся дальше.

УЛЛЕ. Ну ты и козел.

ЛЕННОН. Эй, я тоже слышал, что говорил Джон. Это не значит, что нам нельзя отдохнуть, перед тем как совершать геройские подвиги.

КАЛЛЕ КРИШНА. Почему Джон Леннон выбрал тело этого мудака, а не моё?

АРЛЕКИН. Куда идем?

АНУ. Туда. Или туда. Какая разница куда? Разве здесь есть направления?

АРЛЕКИН. Идем дальше. Пора в дорогу, on the road.

УЛЛЕ. Ты с нами?

ЛЕННОН. Это не я с вами, это вы со мной. Флейта вообще мне дали, а не вам. Улле! Ты куда?

Пауза. Все, кроме Леннона ушли.

ЛЕННОН. Подождите меня! Я с вами! Подождите!

Тоже уходит.

Темно и тихо.

Через какое-то время свет фонарей.

Приближаются двое милиционеров – пожилой и молодой.

ПОЖИЛОЙ. Из соседнего дома звонили. Вот не спится же людям.

МОЛОДОЙ. Здесь же по идее свой сторож должен быть?

ПОЖИЛОЙ. Должен. Они потому и позвонили – группа людей ходит по детскому саду, горят какие-то огни и все такое.

МОЛОДОЙ. Тихо как. И темно.

ПОЖИЛОЙ. Так и положено быть. Просто гоняют нас перед Новым Годом, а у меня колено как у цапли, не в ту сторону гнется. Черт.

МОЛОДОЙ. Колено?

ПОЖИЛОЙ. Да какое на хрен колено. Нашел.

МОЛОДОЙ. Что там?

ПОЖИЛОЙ. Оооо, да они уже хорошие. Чуть теплые все. Так... Четверо мужчин, и две женщины. Симпатичные. Глянешь?

МОЛОДОЙ. Да ну их...

ПОЖИЛОЙ. Ну не трупки, чего ты боишься.

МОЛОДОЙ. Не трупки?

ПОЖИЛОЙ. Без сознания. Зрачки на свет не реагируют. Пульс... да хер его разберет. Пульс вроде есть.

МОЛОДОЙ. Напились? Запах странный....

ПОЖИЛОЙ. Да. Это вот эта бутылка воняет. Тряпки какие-то вонючие. НаркОманы.

МОЛОДОЙ. Кто?

ПОЖИЛОЙ. НаркОманы. Сейчас среди молодежи поветрие. Да ты сам должен знать – молодой вон.

МОЛОДОЙ. Я этим не увлекаюсь.

ПОЖИЛОЙ. Короче пошел я звонить в скорую, а ты их тут покарауль. Чтоб не окочурились тут.

МОЛОДОЙ. Хорошо.

ПОЖИЛОЙ. Скорая приедет, живо их приведет в чувство.

МОЛОДОЙ. Хорошо.

ПОЖИЛОЙ. Гоняют нас, гоняют.... А у меня колено. Если кто-то начнет блевать, переверни его на живот.

МОЛОДОЙ. Хорошо.

Пожилкой уходит. Тихо и темно.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

6. «АСТРАЛЬНАЯ МИЛИЦИЯ»

ЛЕННОН. У Арлекина всегда есть телега для объяснения:

АРЛЕКИН. Астральные менты, которые почували страх Айвара, они не просто так тут тусуются. Они охраняют астральный план от вторжения психонавтов. Таких как мы. У них тут и астральные менты и астральные дружинники и вообще полный астральный МВД.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Но мы же вроде отбились?

АРЛЕКИН. Здесь – отбились, а там – нет.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Что это значит?

АРЛЕКИН. Астральные менты телепатически подогнали к нашим телам настоящих ментов. А те сейчас вызовут скорую, она приедет в садик, где валяются наши бездыханные тела, а там шприц адреналина в сердце, и всё, амба.

ЛЕННОН. Арлекин также объяснил, что значит амба.

АРЛЕКИН. Мы - парящие в небесном эфире шарики, привязанные за длинную веревочку к своим телам. Если за веревочки резко дернуть, то сознание может от рывка вылететь и остаться тут, наверху, а в тело вернется только часть твоего я. Может быть никто и не заметит разницы, но ты так и проживешь до конца жизни с расщепленной душой, что, в общем, довольно стремно.

ЛЕННОН. Арлекин не объяснил, почему будет стремно, но мы как-то все прониклись. Кроме Ану.

АНУ. А мне все равно. Я и так с расщепленной душой. Я может и хиппи стала из-за того, что у меня расщепленная душа вообще.

ЛЕННОН. Кажется, Ану всё это достало.

АНУ. И вообще меня всё это достало.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Если нас выдернут отсюда, мы не выполним нашего предназначения.

АНУ. Вы что, правда, верите, что мы сможем разрушить советский союз? Его нельзя разрушить! Я училась в школе когда взрослые начали шептаться о том, что в Праге решили что-то изменить. И что стало с ними и с их революцией? Где они все? Семьдесят второй год на дворе, посмотрите вокруг!

ЛЕННОН. Вокруг было черт знает что, это правда.

УЛЛЕ. Если мы не выполним задание, всех наших повяжут кэгэбэшники. Ты же слышала, что сказал Джон Леннон про поддельный хиповский слёт? Или ты не веришь Джону Леннону?

АНУ. А ты веришь? Ты веришь, Улле, что мы попадем в астральный Кремль и каким-то образом взорвем там всё к хуям? При помощи флейты, на которой даже, пиздец, невозможно играть? И что тут же распадется весь этот ебучий серый совок, и коммунистическая партия советского союза и пятнадцать, мать их, союзных республик? И КГБ тут же исправится, станет охуенски хорошим, отзовет своих людей и остановит свои сраные операции? Ты что, правда, веришь в это? Улле, ты что, пионерка до сих пор? Тебе сколько лет? Тринадцать?

УЛЛЕ. А что ты предлагаешь?

АНУ. А что ты предлагаешь? Что вы все предлагаете? Мы слишком слабые. Мы не умеем воевать. Мы дети цветов. Я хочу к маме. Мама!

УЛЛЕ. Ану, ты правильно сказала, мы дети цветов. И мы не умеем воевать. Но это же и есть наша сила.

АНУ. Идиотские хиповские лозунги. Мэйк лав, нот вар. Я не верю.

УЛЛЕ. Но это же правда, наша сила это любовь. И мы любим тебя. Я люблю тебя, и Леннон любит тебя.

ЛЕННОН. Подписываюсь.

АНУ. Идите в жопу!

АРЛЕКИН. И я люблю тебя, чувиха.

КАЛЛЕ-КРИШНА. И я. И Айвар тоже. Его нет с нами, но он любит тебя.

АНУ, Идите в жопу, идите в жопу, все идите в жопу!

ЛЕННОН. Ну ты чего? Ты плачешь?

УЛЛЕ. Не трогай её. Она устала. Пусть поплачет. Можно я тебя обниму? Вот так.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Как невыносимо светло....

АРЛЕКИН. Это ментик-стажер светит нам в глаза фонариком. Жаль, связь с моим телом сейчас особенно ослаблена, а то бы я отдал ему приказ как следует пернуть.

Пауза.

МОЛОДОЙ. Ану.... Ану? Ану, очнись....

Пауза.

ЛЕННОН. Ану? Он тебя знает?

Пауза.

МОЛОДОЙ. Ану? Это я, Мартин.... Ану?

Пауза.

АНУ. Я вас тоже всех люблю. Простите меня.

ЛЕННОН. Ты о чем вообще?

МОЛОДОЙ. Ану!

АНУ. Мартин-гусь....

МОЛОДОЙ. Точно! Гусь-Мартин! Ты меня так дразнила в школе!

АНУ. Голова....

МОЛОДОЙ. Воды хочешь? Сейчас придет скорая...

АНУ. Не надо скорую.

МОЛОДОЙ. Почему? Тут же вон еще... люди. Им плохо.

АНУ. Не надо скорую, Мартин. Позвони им, скажи, что не надо скорую.

МОЛОДОЙ. А если с ними что-то случится? Правильно? Вернее, с ними уже что-то случилось! Правильно? Ну и вообще, я так не могу, это же, как бы, ну, это моя работа? Правильно? Нас вызвали, а мы тут...

АНУ. Мартин, а помнишь ты шел за мной из школы? Я впереди, а ты сзади.

Пауза.

МОЛОДОЙ. Я думал, ты не замечала меня. А ты замечала?

АНУ. Замечала.

МОЛОДОЙ. Я хотел помочь тебе нести портфель, но стеснялся.

АНУ. Помоги мне.

МОЛОДОЙ. Помочь?

АНУ. Помоги мне Мартин. Не надо скорую, Мартин. Дай я об тебя обопрюсь.... Ты такой теплый, Мартин.... Пойдем.... Пойдем отсюда.

ЛЕННОН. И они ушли. А мы остались болтаться, привязанные за ногу к своим телам, нарисованным где-то там, внизу, на раскладушках детского садика.

АНУ. Мы поженились с Мартином через полгода. Мне казалось – а что тянуть? Идеальные мужчины существуют только в девичьих фантазиях. Можно прожить всю жизнь, ожидая своего идеала. А Мартин хороший вариант, он всегда будет рядом. Он очень меня любил и конечно был счастлив стать моим мужем. Он скучный, но и надежный, с ним я чувствовала себя спокойно и уверенно, и я никогда-никогда не задавалась вопросом, люблю ли я его. Это я уговорила Мартина поступить в военное училище, кадровым военным полагалась квартира, и меня это устраивало. Мартин любил меня и делал всё, как я ему говорила. Он хотел детей, а я нет, я не хотела, и он согласился и с этим моим решением. А потом был Афганистан, Мартин отправился туда в составе миротворческих сил, а когда я узнала, что он не вернется, то в первую секунду не почувствовала ничего. Для меня это не было каким-то новым состоянием, я не чувствовала ничего все семь лет нашего брака. А вот в следующую секунду, в следующую секунду я почувствовала, что не могу вздохнуть. Не могу вздохнуть грудью воздух, будто вокруг меня космос. И так с того момента и до сих пор я так и не смогла вздохнуть. Потому что нет моего верного скучного Мартина рядом со мной. Мартина, который так любил меня, а я его нет.

7. «ДУХИ ПРЕДКОВ»

КАЛЛЕ-КРИШНА. С чего ты решил?

АРЛЕКИН. С чего я решил? С чего решило все человечество, все религиозные святые, с чего решили все просветлённые и прочие премудрые баБУ! Почитай любую приличную книжку! Что пишут в Тибетской Книге Мертвых? – «Не бойся! Не поддавайся мороку! На самом деле, это Небесные Отец — Мать Вайрочана, однако в Мыслях твоих они теперь выглядят по-иному. Отвергнутые, они Любовь заменили Гневом».

УЛЛЕ. Это про каких-то богов, а ты говоришь «Духи Предков»

АРЛЕКИН. «Каких-то богов?» Ты сказала про небесных Отца и Мать Вайрочана «какие-то боги»?

ЛЕННОН. Не цепляйся к ней, она не изучала мистическую литературу.

АРЛЕКИН. Что она тут делает, если «она не изучала мистическую литературу»? Я вам еще раз говорю – в любом духовном путешествии, рано или поздно возникнут Духи Предков, и будут тянуть путешественника обратно, в земное рабство смертей и перерождений.

УЛЛЕ. Ну хорошо, Духи Предков. И что они из себя представляют?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Если верить арлекинским источникам, у Духов Предков шесть ног, четыре руки, они белого цвета, объята пламенем, в руках у них нож и чаша с кровью. И это еще самые приличные.

АРЛЕКИН. «Узнай их, допусти, как они есть, и прими их в себя, в свой Храм — и спасешься!»

УЛЛЕ. Что значит «прими их в свой Храм»?

АРЛЕКИН. Нет, это не про секс, как ты могла бы подумать, бэйба. Духи Предков это что-то страшное, возникающее ниоткуда...

ТЕЛЕФОНИСТКА. Вы сообщили нам номер.

АРЛЕКИН. Да я ж чуть не обосрался!

ТЕЛЕФОНИСТКА. Подтвердите набранный номер.

ЛЕННОН. Какой еще номер? Ты кто такая вообще?

ТЕЛЕФОНИСТКА. Два, четыре, семь, шестнадцать. Номер набран верно.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Вот черт. Уходим.

ТЕЛЕФОНИСТКА. Соединяю. Ждите ответа.

УЛЛЕ. Что такое? Кришна, ты знаешь, что происходит?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Уходим, уходим, уходим. Только тихо!

УЛЛЕ. Куда ты нас толкаешь?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Уходим вон туда по лестнице на второй этаж. Быстро!

ЛЕННОН. А что там?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Там моя комната. Быстро! Да не грохочите вы так, разбудите!

АРЛЕКИН. Кого?

МАМА КАЛЛЕ. Калле, а ты куда?

ПАПА КАЛЛЕ. Добрый вечер. Вернее ночь. Не познакомишь нас с ребятами?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Пап, мы ненадолго. Мы посидим, а потом ребята уйдут.

ПАПА КАЛЛЕ. Пусть ребята проходят, а ты задержись ненадолго.

МАМА-КАЛЛЕ. Калле вас догонит, ребята.

ЛЕННОН. Хорошо. Калле, ты нас догонишь?

ПАПА-КАЛЛЕ. А эту штуковину, молодой человек, можно оставить тут, в подставке для зонтиков.

АРЛЕКИН. О, офигеть, эта штука подставка для зонтиков? Офигеть!

ЛЕННОН. Это не штуковина, это моя флейта. И я лучше возьму её с собой.

МАМА-КАЛЛЕ. Надеюсь, вы не будете громко на ней играть, время-то позднее.

АРЛЕКИН. Не обещаем.

УЛЛЕ. Кришна, мы подождем тебя в комнате!

ПАПА-КАЛЛЕ. Кришна? А кто это тут Кришна? Калле?

МАМА-КАЛЛЕ. Сырнички будете? Из деревенского творога. Правда, они холодные.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Они не будут, они сытые.

МАМА-КАЛЛЕ. А выглядят голодными. И несчастными.

ЛЕННОН. Нет, спасибо, мы, правда, сытые. Валим! Где эта блядская комната....

ПАПА-КАЛЛЕ. Кажется, кто-то тут сказал плохое слооовоооо!

УЛЛЕ. Маска бога смерти на двери! Комната Кришны! Оторвались! Предки у Кришны просто пипец.

АРЛЕКИН. Какой шикарный флэт, столько шкафов с книжками! Я всегда знал, что Кришна мажор.

УЛЛЕ. Леннон, ты видел? Его мама смотрела на меня как на проститутку!

ПАПА-КАЛЛЕ. Калле, кто эти люди?

МАМА-КАЛЛЕ. Эта девушка, она выглядит как самая настоящая проститутка. А остальные не лучше – настоящие оборванцы. Этот парень с безумными глазами... он ничего у нас не украдет?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Вы только это хотели сказать? Тогда я пошел, меня друзья ждут.

ПАПА-КАЛЛЕ. Нет. Не только. Нам звонили из милиции. Тебя и прочих «друзей», задержали после какого-то концерта. Один из твоих «друзей» напал на милиционера.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Все было не так. Они схватили Айвара толпой и били его, а Айвар просто лежал и закрывал голову и живот, а потом у одного оказалась машинка для бриться, они заломали его и они начали брить на лысо, потому что их бесили его длинные

волосы, и тогда он вырвался, схватил самого ближайшего к нему мента, подмял под себя и уже не отпускал.

МАМА-КАЛЛЕ. Ну ты себя послушай, что ты говоришь? Наши советские милиционеры толпой бреют какого-то хулигана... Бред!

ПАПА-КАЛЛЕ. Хотя побрить бы этих бродяг не мешало бы. И отправить в армию. Там их научат быть мужчинами.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Тогда и меня нужно в армию!

МАМА-КАЛЛЕ. У тебя другая судьба, Калле. Ты же лучший ученик в школе, тебя ждут в Москве, на следующей неделе надо ехать подавать документы в МГУ.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Нас ждут в МГУ не потому, что я крутой ученик, а потому что ты папа – начальник автокомбината, а ты мама – заведующая городской библиотекой!

ПАПА-КАЛЛЕ. Нет, не только. Ты же сам знаешь про себя – ты избранный.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да, я избранный! Я избранный!

ПАПА-КАЛЛЕ. И ректор МГУ говорит то же самое. У них есть небольшая разрядка на нашу республику для поступления, и поверь, самые лучшие люди страны заканчивали этот ВУЗ.

МАМА-КАЛЛЕ. Избранные.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Мне это неинтересно! Я йог!

ПАПА-КАЛЛЕ. Мы слышим тебя, Калле, думаешь, мы не слышим тебя?

МАМА-КАЛЛЕ. Мы говорили с ректором насчет твоего поступления в отделение стран Востока, ты сможешь продолжать изучать то, что тебе интересно. Но уже серьезно, а не только чтобы щеголять исковерканным санскритом перед дворовыми хулиганами.

ПАПА-КАЛЛЕ. Не отвергай нашу любовь, Калле.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я в системе. А это мои друзья.

МАМА-КАЛЛЕ. Советский союз это тоже система, Калле. И надо знать эту систему и выживать в ней. Мы сделаем так, чтобы ты прожил прекрасную жизнь.

ПАПА-КАЛЛЕ. Полноценную жизнь советского гражданина.

МАМА-КАЛЛЕ. Ты будешь элитой нашей социалистической системы, и будешь общаться с себе подобными – умными и веселыми людьми, у которых в жизни тоже всё хорошо. И они тоже будут избранные, как и ты!

ПАПА-КАЛЛЕ. Встречаться с интересными людьми, совершать заграничные поездки, трудиться, занимаясь любимым делом, отдыхать на роскошной государственной даче...

МАМА-КАЛЛЕ. Получать от жизни удовольствие, и не отказывать себе ни в чем...

ПАПА-КАЛЛЕ. У тебя будет твоя любимая музыка, в своем огромном кабинете ты будешь слушать её на прекрасной японской аппаратуре, читать американский журнал об искусстве, отпивая купленную в Италии граппу...

МАМА-КАЛЛЕ. Но не злоупотребляя алкоголем, конечно...

ПАПА-КАЛЛЕ. У тебя будет красавица жена, и четверо светлоглазых детей, в твоём уютном и просторном доме будет солнце и счастье...

МАМА-КАЛЛЕ. И лохматый пёс будет бежать впереди, по дорожке к веселому водителю...

ПАПА КАЛЛЕ. ...в черных перчатках...

МАМА-КАЛЛЕ. ...который будет ждать вас у служебной Волги...

ПАПА-КАЛЛЕ. ...чтобы отвести кататься на лодке, потому что это воскресенье и выходной...

МАМА-КАЛЛЕ. Не отвергай нашу любовь, ведь мы хотим тебе самого лучшего.

КАЛЛЕ-КРИШНА. Леннон! Улле! Арлекин!

ЛЕННОН. Чё ты орешь? Сам же сказал, чтоб мы тихо. Смотри, что Арлекин придумал! Арлекин гений.

АРЛЕКИН. Я сразу как зашел и понял. Эта штука вам не нужна. Она стоит тут просто так. Я её засуну под куртку, и мы тихонько вынесем. Потом мы её загонем, я даже знаю кому, а на вырученные деньги отправимся стопом в Таджикистан. Как покончим с совком, тут же рванём. Помнишь, ты нам рассказывал про свой хичхайкинг до Душанбе?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Да, помню. Тут такое дело...

ЛЕННОН. Это Арлекин придумал!

УЛЛЕ. Мальчики, вы идиоты. Где твои предки прячут сырники, я пипец какая голодная....

ЛЕННОН. А ты хочешь сказать, Улле, ты не с нами? Такая вся, типа, праведница!

УЛЛЕ. Я с вами, с вами. Но только если Кришна согласиться. Блин, как же вкусно! Варенья только не хватает. Кришна, ты же конечно в деле?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Я остаюсь.

ЛЕННОН. Что?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Арлекин, положи вазу на место. Она не твоя. Улле, закрой холодильник. Я остаюсь с родителями.

АРЛЕКИН. Не поддавайся мороку! На самом деле, это Небесные Отец — Мать Вайрочана, однако в Мыслях твоих они теперь выглядят по-иному. Отвергнутые, они

Любовь заменили Гневом. Узнай их, допусти, как они есть, и прими их в себя, в свой Храм — и спасешься!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Иди в жопу, Арлекин.

ЛЕННОН. Ты серьезно, друг?

КАЛЛЕ-КРИШНА. Леннон, они хотят мне добра.

УЛЛЕ. А как же мы? Разве мы не хотим тебе добра? Тебе и всем людям на свете?

КАЛЛЕ-КРИШНА. А вы идете по пути разрушения и меня ведете по пути разрушения. И все что в конце нас ждет – разрушение. А мы должны создавать, а не разрушать.

УЛЛЕ. Это не разрушение, мы же спасаем мир, Кришна!

КАЛЛЕ-КРИШНА. Меня зовут Калле. И у меня всё хорошо, хотя и не совсем так, как говорили родители. У меня большой богатый дом, но нет семьи, у меня никогда не будет красавицы жены и четырех детей. Мне вообще не нравятся женщины. Когда я перестал себя обманывать, я это понял. А о мужчинах я запретил себе думать. Я не считаю, что я живу несчастливую жизнь. Скучная не значит несчастливая. У меня хорошая карьера по партийной линии. Я дослужился до того, что мне дали огромный кабинет в самом центре Таллина. С видом на площадь. Первым моим делом на новой должности стало указание выстричь все подозрительные сорняки у памятника Ленину, и посадить там газон.

8. «ДУРКА»

АРЛЕКИН. Мажором, он всегда был и всегда мажором останется. Подумаешь потеря. Ждите меня здесь.

ЛЕННОН. Ты куда?

АРЛЕКИН. Ты думаешь, откуда я получаю магические таблеточки для своих психооткровений?

ЛЕННОН. Откуда ты получаешь свои магические таблеточки для своих психооткровений?

АРЛЕКИН. Системой надо пользоваться. Раз в неделю я хожу к психиатру. Показываю ей свои рисунки, мы с ней разговариваем.

УЛЛЕ. Зачем тебе это?

АРЛЕКИН. Это тебе незачем, ты девочка. И Леннону незачем, он поступит в институт, и ему дадут отсрочку от армии, а потом будет фигачить бэбиков по штуке в год, и так и откосит в конце концов. А мне нужен диагноз.

ЛЕННОН. Ну ты это, не надо мне никаких бэбиков шить, я тогда лучше в армию. Да, Улле? Ты же меня дождешься?

УЛЛЕ. Больно ты мне нужен! Хоть сейчас отправляйся.

ЛЕННОН. Чего ты сразу напряглась так?

УЛЛЕ. Я не напряглась, я наоборот расслабилась и предложила тебе валить куда хочешь.

ЛЕННОН. Ну что значит, куда хочешь?

УЛЛЕ. Что я для тебя?

АРЛЕКИН. Чуваки....

ЛЕННОН. В каком смысле, что ты для меня? Ты можешь нормально сказать?

УЛЛЕ. Я и говорю нормально, я нормально интересуюсь – что я для тебя. Очередная подружка? «Бэйба»?

АРЛЕКИН. Чуваки....

ЛЕННОН. Ну да. А в чем проблема? Мы хиппи, у нас фрилав, это что, плохо?

УЛЛЕ. Леннон сказал, что Йоко, это свет жизни для него.

АРЛЕКИН. Чуваки. Я пойду. Ждите меня здесь, ладно?

ЛЕННОН. Так это Леннон! А я не Леннон, я... я блин ненастоящий Леннон!

УЛЛЕ. Да, так и есть, ты просто палёный фальшак!

ЛЕННОН. Ой, да как хочешь, называй, мне вообще, читай по губам – по-ху-ям!

УЛЛЕ. Тебе всегда было по хуям!

ЛЕННОН. А я и не скрывал! Я разве скрывал? Я хиппи, мне вообще все должно быть по хуям, кроме мира во всем мире! Меня, может, именно поэтому высшие силы и выбрали, оттого что мне всё по хуям.

УЛЛЕ. В таком случае меня - нет. Меня – не выбрали!

ЛЕННОН. Ну, я тут тебе ничем помочь не могу. От меня зависят судьбы вселенной, а ты можешь пойти и...

УЛЛЕ. И что?

ЛЕННОН. И что хочешь.

УЛЛЕ. Ну что? Договаривай. Куда ты меня отправил? Поебаться, небось, с кем-нибудь?

ЛЕННОН. Давай ты не будешь мне промывать мозги?

УЛЛЕ. Да пошел ты.

ЛЕННОН. Пошла ты. Я не знаю, почему мы тогда расстались, я вообще не понял даже момента, из-за которого начался срач, но по какой-то логике, которая есть только во сне, я

вдруг оказался совершенно один, в хрен знает каком месте, с крашеными потолками, запахами сырости и лекарств.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Вы к Гуннару?

ЛЕННОН. Че? К кому я?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Вы родственник Гуннара?

ЛЕННОН. Я не понимаю. Простите. Я ничего не понимаю.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Вы себя хорошо чувствуете? Вам нужна помощь?

УЛЛЕ. А что с ним случилось?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Это я хотела у вас узнать, что с ним случилось, девушка! И что было предпосылкой к суициду?

УЛЛЕ. Это не был суицид.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. А что это, по-вашему, было? Еще буквально пару миллиметров и гвоздь мог повредить мозг. Сейчас Гуннар в крайне серьезном состоянии, ему нужно медицинское наблюдение.

ЛЕННОН. Так вы имеете в виду Арлекина? С ним все в порядке! Где он?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Вы тоже из этих?

УЛЛЕ. Из каких? Что вы на меня так смотрите?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. У вас расширены зрачки, пройдите сюда, не бойтесь.

УЛЛЕ. Зачем?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Я не трону вас даже пальцем. Вы можете пройти вот по этой ровной трещине на полу?

УЛЛЕ. Арлекин? Леннон?! Где вы?! Я провалилась в какую-то трещину, я не понимаю, где я!

ЛЕННОН. Но ведь сегодня пятница?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. И что?

ЛЕННОН. Вы сказали, что в пятницу его можно навестить.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Он на процедурах.

ЛЕННОН. Каких, блядь, процедурах, у вас написано в пятницу приемный день!

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Гуннар плохо себя чувствует, у него проявилась агрессия, он опасен не только для окружающих, но и для себя самого. Мы были вынуждены применить вязки и назначить новый курс галоперидола.

УЛЛЕ. Он нормальный. Я даже вам скажу страшную тайну, он специально косит. Он хочет, чтобы вы поставили ему диагноз, с которым не берут в армию. Он говорит, что армия оглушает, не хочет терять два года жизни....

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Поверьте, я специалист и я знаю, когда люди притворяются, а когда у них действительно проблемы. У Гуннара сложный анамнез. Вы знаете, что он рос в семье алкоголиков, и когда к ним изредка приходил отец, Гуннар был вынужден драться с ним, чтобы защищать мать от побоев....

АРЛЕКИН. So messed up I want you here In my room I want you here Now we're gonna be face-to-face!

ЛЕННОН. Я слышу его! Он поет! Вы сказали, что он без сознания, я слышу его! Арлекин! Я здесь! Я пришел к тебе! Я тут, Арлекин!

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Вы зря надрыгаетесь, молодой человек. И вообще, ваше поведение вызывает у меня вопросы. Хотите, чтобы я позвала санитаров?

АРЛЕКИН. ...And I'll lay right down in my favorite place and now I wanna be your dog now I wanna be your dog now I wanna be your dog well come on!

УЛЛЕ. Вы уверены, что ему хорошо тут?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Мы делаем все, чтобы ему было хорошо.

АРЛЕКИН. I wanna be your dog now I wanna be your dog now I wanna be your dog well come on!

ЛЕННОН. Арлекин!

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Можем сдерживать его суицидальные наклонности только в стационаре. К нашему огромному сожалению.

АРЛЕКИН. I wanna be your dog, I wanna be your dog, I wanna be your dog!

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Усиленный наряд, в палату немедленно! Где пациент нашел нож?!

УЛЛЕ. Но я хочу видеть его!

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Сегодня никаких свиданий не будет, у нас ЧП. Снимайте его оттуда, немедленно! Он порежет себя!

УЛЛЕ. Что у вас происходит?

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Приходите в пятницу. Не в эту пятницу, а через неделю.

ЛЕННОН. Привет.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Через неделю.

УЛЛЕ. Привет.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Еще через неделю.

ЛЕННОН. Привет.

ПСИХОТЕРАПЕВТ. Думаю завтра, на полчаса, мы сможем вывести его.

ЛЕННОН. Привет. Дружище, меня так долго не пускали к тебе.

АРЛЕКИН. Да?

ЛЕННОН. Ты как?

АРЛЕКИН. Хорошо.

ЛЕННОН. Смотри, что я принес. Кизи книжку написал, а её у нас тут взяли и перевели, прикинь. Чтоб показать, как у них жизнь в капитализме не сахар. Про дурку, кстати, сам еще не читал. Свежак, мэн! Будешь?

АРЛЕКИН. Хорошо.

ЛЕННОН. Давно тебя не выпускали.

АРЛЕКИН. Леннон.

УЛЛЕ. Я не Леннон, я Улле.

АРЛЕКИН. Прости. А где Леннон?

УЛЛЕ. Не знаю. Он к тебе приходил? Леннон к тебе приходил?

ЛЕННОН. Все тебе приветы передают. Говорят, завидуют. Ты тут на халявных колесах, небось, день и ночь летаешь. А? Летаешь? Арлекин, ты чего?

АРЛЕКИН. Задумался. Хорошо.

УЛЛЕ. Что хорошо?

АРЛЕКИН. А?

ЛЕННОН. Я говорю, что хорошо-то?

АРЛЕКИН. Кормят тут хорошо. Вкусная каша. И еще хлеб. Чай с цикорием. Я пойду.

ЛЕННОН. Так еще не кончилось время? Давай еще поболтаем!

АРЛЕКИН. Давай.

УЛЛЕ. Что давай?

ЛЕННОН. Ты чего, друг?

АРЛЕКИН. Я пойду. Устал. Хорошо?

УЛЛЕ. Хорошо, конечно. Давай, Арлекин, отдыхай. А я к тебе в следующую пятницу опять приду.

ЛЕННОН. Принесу апельсинов. Хочешь апельсинов?

АРЛЕКИН. Что?

УЛЛЕ. Нет, ничего.

ЛЕННОН. Нет, ничего.

АРЛЕКИН. Это. Забыл. Ты должен.

УЛЛЕ. Что? Ты мне? Это я, Улле.

ЛЕННОН. Что я должен?

АРЛЕКИН. Должен сделать там. Там.

Пауза.

АРЛЕКИН. Я пойду.

ЛЕННОН. Я приходил к нему каждую пятницу. Ему не становилось легче, и нам не о чем было разговаривать. Мы в основном молчали. Мне кажется, ему было тяжело со мной. Мне так казалось. И я постепенно перестал к нему ходить. Мне стыдно конечно. Но и ходить было как-то... мучительно. Будто это я во всем виноват.

АРЛЕКИН. Что-то там такое надо тебе. И Улле. Я забыл. Сделайте это.

9. «FREE LOVE»

ТАЙНА. О. Еще одна звезда упала. Кто-нибудь успел загадать желание? Сирена, ты успела загадать желание?

ЛЕННОН. И тогда настоятель монастыря, сосуд для Будды Амитабы, и духов всех шести патриархов...

СИРЕНА. Что-то многовато народу для одного сосуда.

ТАЙНА. Что ты к нему прицепилась. Продолжай, красавчик.

ЛЕННОН. Ну я в этом не очень силен в терминах, Арлекин и Кришна могли бы лучше рассказать. Короче этот просветленный чел кладет мне руку на голову и говорит – Леннон, ты Избранный. И дает вот эту штуку.

СИРЕНА. Солидная штука, мэн.

ЛЕННОН. Это оружие духовного воина, железная флейта Иена Андресена, которой можно разрушить советский союз.

ТАЙНА. Сыграй нам.

ЛЕННОН. Я не умею, я не музыкант.

ТАЙНА. Ууууу, мы думали ты музыкант.

ЛЕННОН. Нет, ну почему. У меня тоже есть свой бэнд. «Ошибка партии», слышали? Я там на бубне лабаю и пою всякое. Ой, вон еще звезда. Или это самолет?

СИРЕНА. Хватит болтать. Полезли в палатку. Сегодня будем играть в ладушки.

ЛЕННОН. В ладушки? А, вы об этом.

ТАЙНА. Втроем. Ты же не против, Сирена?

СИРЕНА. Я не против. А ты, Тайна не против?

ТАЙНА. Нет, я не против, Сирена, это же я предложила.

ЛЕННОН. А меня вы спросить не хотите?

СИРЕНА. А ты что, против? У нас фрилав, мы свободные люди, и сегодня прохладная ночь.

ЛЕННОН. А почему тебя зовут Тайна?

СИРЕНА. Она из Финляндии, моя сестренка. Нормальное финское имя.

ЛЕННОН. Так вы сестры? И как? С сестрой не стремно?

ТАЙНА. Что-то ты много трепешься, мэн. Ты идешь?

ЛЕННОН. Ну вообще да. Почему бы и нет. Я же никому ничего не обязан!

СИРЕНА. Ждем тебя в палатке.

ТАЙНА. И нам есть чем заняться там.

ЛЕННОН. А я еще совсем молодой. А Улле... ну она такая серьезная иногда. Как моя мать. Нахмурится так, будто я что-то должен тут же сделать. И я сразу начинаю париться, что нужно что-то сделать. Даже когда ничего не нужно делать! Особенно, когда ничего не нужно делать, а нужно расслабляться и ловить кайф от жизни. Я ей не должен, она мне не должна, мы в равных позициях. Она и я. Мы на равных. Что? Что вы там смеетесь, хипушки? А? А ну! Давайте расскажите и мне, над чем вы там смеетесь! А? Где вы? Как тут темно... и холодно? Адски холодно....

Пауза.

ЛЕННОН. Смеяться тут можно только надо мной. Потому что уже не было никакого августа, звездопада, берега моря, а был Таллин, зима, и лавочка на автовокзале. А еще

страшно болела голова, было холодно так, что я не чувствовал пальцев, и самое хреновое, это то, что у меня не было никакой флейты. То ли её никогда и не было, то ли я её где-то безнадежно просрал. В карманах было пусто, только в джинсах я нашел воняющий пятновыводителем платок. Меня долго рвало на грязный снег, и всё что я смог это отползти в сторону, чтобы не попасться на глаза дружинникам. Кажется, это и есть конец моего трипа, моего мистического путешествия. Всё всегда заканчивается похмельем.

Пауза.

УЛЛЕ. Мама, я вернулась. Mam!

МАМА УЛЛЕ. Я здесь!

УЛЛЕ. Что с тобой?

МАМА УЛЛЕ. Не пугайся, это я лук режу.

УЛЛЕ. А я думаю, почему я зашла, а у меня сразу слезы.

МАМА УЛЛЕ. Еще полмешка, и закончу. Весь какой-то гнилой попался, представляешь? Чищу, чищу, а он весь гнилой.

УЛЛЕ. Давай я тебе помогу.

МАМА УЛЛЕ. На эту табуретку не садись, она шаткая. На эту садись.

Пауза.

УЛЛЕ. Какой же он едкий.

МАМА УЛЛЕ. Лук, дочка, он такой.

УЛЛЕ. Mam, я беременна.

МАМА УЛЛЕ. Хорошо.

УЛЛЕ. Хорошо?

МАМА УЛЛЕ. Ну а что плохого. Так и должно быть.

УЛЛЕ. У моего ребенка нет отца. И не будет.

МАМА УЛЛЕ. У тебя, у моего ребенка тоже не было отца. И я так же, в свое время, пришла к своей матери, твоей бабушке.

БАБУШКА УЛЛЕ. Это ничего. Мы как-нибудь справимся. Помоги мне дочистить этот лук и будем готовить обед.

МАМА УЛЛЕ. Но это так тяжело, воспитывать ребенка в одиночку?

БАБУШКА УЛЛЕ. Тяжело? Это только так кажется. И мне казалось, но моя мама....

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Не садись на этот табурет, он шатается. Садись на скамеечку для ног. Вот тебе лук. Чисть.

БАБУШКА УЛЛЕ. Она успокоила меня тогда.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Не переживай. Мы воспитаем её так же, как воспитали меня, в традициях нашего рода, так, как воспитала меня моя мама.

ПРАПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Табуретка сломалась в тот день, когда я узнала, что я беременна. Мы поссорились с твоим отцом, уходя, он в злости пнул табурет и с тех пор он шатается.

УЛЛЕ. Лука еще так много.

ПРАПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Но тебе есть на чем сидеть, и у тебя есть нож, чтобы чистить лук вместе с нами.

БАБУШКА УЛЛЕ. Это правильное течение жизни.

УЛЛЕ. Я так часто испытываю дежа вю.

МАМА УЛЛЕ. И я.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. И я.

БАБУШКА УЛЛЕ. И я.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Что ты сказала? Мне послышалось?

УЛЛЕ. Послышалось.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Послышалось?

БАБУШКА УЛЛЕ. Послышалось.

МАМА УЛЛЕ. И мне послышалось.

УЛЛЕ. Мне послышалось.

ЛЕННОН. Улле, Улле что ты делаешь?

УЛЛЕ. Я чищу лук, Калев.

ЛЕННОН. Улле, у меня похмелье, Улле я идиот, Улле, я люблю тебя.

УЛЛЕ. Осторожно, Леннон, эта табуретка шатается, ты можешь упасть.

ЛЕННОН. Да к черту эту табуретку, Улле, я просрал флейту!

УЛЛЕ. Ты разбил табуретку.

МАМА УЛЛЕ. Он разбил нашу хромую табуретку.

ПРАПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Это была табуретка моего мужа.

БАБУШКА УЛЛЕ. Наша родовая табуретка.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Это была...

ЛЕННОН. Заткнись старая карга! И ты, и ты, и ты! Все заткнитесь! Улле пойдем, ты нужна мне и больше мне никто не нужен.

УЛЛЕ. А как же фрилав?

ЛЕННОН. К черту фрилав, я хочу быть только с тобой! Всегда!

УЛЛЕ. Не получится, Леннон.

БАБУШКА УЛЛЕ. Никак не получится, молодой человек.

ПРАПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Никак!

МАМА УЛЛЕ. Никак.

ЛЕННОН. Если вы не заткнетесь все, я не знаю, что тут сделаю с вами и вашим гнилым луком! Почему не получится, Улле?

УЛЛЕ. Раньше я вся принадлежала тебе. А теперь у меня будет ребенок.

ЛЕННОН. Ребенок?

УЛЛЕ. Да. Мой ребенок. И я воспитаю её в традициях нашей семьи.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. И я воспитаю её в традициях нашей семьи.

ЛЕННОН. Но это же не только твой ребенок, он и мой. Правда ведь?

МАМА УЛЛЕ. Но ты ведь уйдешь.

ПРАБАБУШКА УЛЛЕ. Разбил табуретку и теперь уйдё... молчу, я молчу.

БАБУШКА УЛЛЕ. Я молчу.

МАМА УЛЛЕ. Мы молчим.

ЛЕННОН. Никуда я не уйду. Я буду с тобой. А сына назовем Пол.

УЛЛЕ. Ты уверен, что это будет не дочь?

ЛЕННОН. Моего сына будут звать Пол, в честь знаменитого Пола Маккартни. Или Ринго! В честь моего друга Айвара! Не менее знаменитого!

УЛЛЕ. А если родится девочка? Подожди, подожди, я знаю! Если родится девочка, мы назовем её Джорджия!

ЛЕННОН. И словно стены рухнули вокруг нас, и я и моя храбрая юная Улле оказались на Красной Площади у стен Кремля.

10. «ПАДЕНИЕ»

УЛЛЕ. Это новогодний парад! Нам надо быть ближе к мавзолею, к Глазу!

ЛЕННОН. Такая толпа, мы не пролезем.

УЛЛЕ. Они слепые, ты разве не видишь? Мы пробежим через строй.

ЛЕННОН. Как гремят кандалы!

УЛЛЕ. На три. Раз! Два!

ЛЕННОН. Смотри! Там Айвар! Айвар!

УЛЛЕ. Айвар, мы тут!

ЛЕННОН. Он не слышит нас. И Кришна, и Ану. Вон они, в строю!

УЛЛЕ. И Арлекин. Как страшно, у Арлекина нет глаз!

ЛЕННОН. Зато он видит! Этот гигантский Глаз на мавзолее видит всё!

УЛЛЕ. Куранты!

ЛЕННОН. Глаз, смотри, он открывается!

УЛЛЕ. Леннон, так громко гремят куранты! Мне страшно!

ЛЕННОН. Улле, у меня нет флейты, я не знаю, что делать, Улле.

УЛЛЕ. Леннон, сделай что-нибудь!

Бой курантов.

ЛЕННОН. Начинаясь тысяча девятьсот семьдесят третий год. Мы стояли перед огромным Глазом, который смотрел на нас, и дальше, сквозь нас, на всю империю, в каждый уголок Советского Союза. И у нас не было никакого оружия, кроме нас и нашей молодости, и тогда я обнял Улле покрепче, собрал всю слюну, которая была в моей пересохшей глотке и...

Пауза.

КАЛЛЕ. Что ты сделал? Плюнул?

ЛЕННОН. Да. Плюнул прямо в этот глаз. Я больше ничего не придумал в тот момент.

АНУ. И что?

ЛЕННОН. И ничего. Проснулся.

УЛЛЕ. И чуть не сбросил меня с кровати.

ЛЕННОН. Такая история.

КАЛЛЕ. Запутанная.

АНУ. Во сне всё так запутывается, ничего не понять.

КАЛЛЕ. Ну кое-что понять можно. А именно антисоветскую идею твоего рассказа.

ЛЕННОН. Ну Калле, прекрати.

КАЛЛЕ. Почему я должен прекращать?

АНУ. На дворе девяностый год, всем уже плевать, кому какие сны снятся - советские или нет. Или ты веришь, что всех нас по прежнему прослушивает КГБ?

КАЛЛЕ. Мы всё еще в СССР, и должны...

УЛЛЕ. Ничего мы не должны. И все чувствуют, что мы не должны.

КАЛЛЕ. Завтра всё может вернуться назад.

ЛЕННОН. Ты в это веришь?

КАЛЛЕ. С какой целью вы захотели со мной встретиться?

ЛЕННОН. Ни с какой. Рассказать мой сон.

КАЛЛЕ. С какой целью вы захотели встретиться со мной на самом деле?

ЛЕННОН. Да я же тебе говорю! Мне приснился сон, про то, как в семьдесят втором, когда мы собирались у меня в садике...

КАЛЛЕ. Я не верю тебе.

УЛЛЕ. Калле, дорогой, не волнуйся так.

КАЛЛЕ. Не надо меня успокаивать, Улле! Не надо строить из себя мировую мамочку, я взрослый человек, я сам решаю, как мне реагировать.

УЛЛЕ. Калле, я...

КАЛЛЕ. Я заплачу за всех. Я готов заплатить за этот ужин, но я также хочу, чтобы вы больше не звонили мне на работу. Все звонки у нас регистрируются, и мне не нужны проблемы.

ЛЕННОН. Хорошо, хорошо, я не знал, что это для тебя так...

КАЛЛЕ. Я буду очень благодарен. У меня очень много работы, а сейчас очень беспокойные времена. У меня нет времени, чтобы выслушивать твои фантазии.

ЛЕННОН. Не нервничай ты так.

КАЛЛЕ. Мне пора.

АНУ. Подкинь бедную вдову на своей служебной машине, Калле. По дружески? Как в старые добрые времена? А, Калле?

Калле молча уходит.

АНУ. Козел. И мажор.

УЛЛЕ. Я говорила тебе, дорогой, что это плохая идея.

АНУ. Ну почему плохая? Я провела прекрасно этот вечер. Вспомнила молодость. Я была такая красивая, меня все хотели.

УЛЛЕ. Ты и сейчас ничего.

АНУ. Может быть. Но в тридцать лет одинокой женщине уже ничего не светит в наше время.

ЛЕННОН. Тридцать четыре? Ты же моя ровесница? У нас и дни рождения рядом?

УЛЛЕ. Калев....

Слышен отдаленный грохот грома.

АНУ. Скоро будет дождь. Надо быстрее на автобус. Вы тоже домой?

УЛЛЕ. У нас есть зонтики, мы прогуляемся.

ЛЕННОН. В том, что дети взрослые, есть свои преимущества, можно гулять допоздна.

АНУ. У вас же совсем маленький этот... как его?

ЛЕННОН. Ринго.

УЛЛЕ. Джорджия уложит Ринго спать. Она большая девочка и справится.

АНУ. Ну хорошо, как скажете. Тогда бай-бай, пипл.

ЛЕННОН. Бай-бай, Ану.

Пауза.

ЛЕННОН. Интересно, а что если бы у нас получилось тогда? Что было бы? В какой бы стране мы сейчас жили?

УЛЛЕ. Знаешь, мне раньше казалось, что каждый день похож на предыдущий. Такое однообразное повторение. А сейчас как будто... Посмотрим!

АРЛЕКИН. Улле? Улле это ты? И Леннон. Вы опять вместе.

ЛЕННОН. Гуннар?

АРЛЕКИН. Я не Гуннар. Гуннар он там, в больнице.

ЛЕННОН. Тебя выпустили?

АРЛЕКИН. Давно.

УЛЛЕ. Прости, мы тебя не навещали...

АРЛЕКИН. Меня выпустили, а потом забрали. А потом опять выпустили.

ЛЕННОН. Понятно.

АРЛЕКИН. А потом забрали. И так каждой весной и каждой осенью. Забирают, а потом отпускают. И тогда снова я. А весной и осенью я Гуннар. Не люблю Гуннара.

ЛЕННОН. Понятно.

УЛЛЕ. Что ты тут делаешь?

АРЛЕКИН. Подметаю площадь. Работа Арлекина. Я подметаю площадь, делаю площадь чистой, и когда площадь чистая, у меня в голове тоже чисто и хорошо. Хотя грохот все громче и громче. Вы слышали его?

ЛЕННОН. Да, скоро будет дождь. Нам пора домой.

УЛЛЕ. Да, нас ждут дети.

АРЛЕКИН. А сейчас много бросают мусора. Много газет. Как будто читают, обжигаются, и роняют. И я слышу грохот. Вы слышите его? Это же из-за вас весь этот грохот? Я видел, я парил.

ЛЕННОН. Да, ты видел, Арлекин.

АРЛЕКИН. Я парил.

ЛЕННОН. Ты парил.

УЛЛЕ. Арлекишечка, нам пора. Мы пойдем, мой хороший.

АРЛЕКИН. А сейчас я читаю заголовки и слушаю грохот. Каждый день новые заголовки.

Улле и Леннон уходят. Арлекин метет площадь в одиночестве. Опять слышен гром.

АРЛЕКИН. Новые заголовки... «Балтийская цепь», «Поющая революция»... Этот грохот, я слышу его. Он в заголовках, в лицах людей. Я же помню, я же парил, я видел. Я видел, как двое стояли перед колоссом, перед его глазом, я видел, как он обнял её, свою женщину, и видел, как он плюнул. Плюнул прямо в этот гигантский глаз. И я видел, как это существо, этот титан, этот колос, шириной в тысячи километров, величиной в миллионы людей, как он попытался уклониться от этого ничтожного плевка. Но он такой огромный, такой медленный, этот колос, что это движение заняло многие годы. Он всё уклонялся и уклонялся от плевка этого человечешки, он отклонялся и отклонялся, всё больше и больше, и уже не мог выпрямиться, он был слишком тяжелый и неуклюжий, и я видел, как он стал заваливаться. Он стал медленно-медленно заваливаться, и его падение становилось быстрее с каждым днем, с каждым месяцем, годом. И Арлекин, не слепой ничтожный Гуннар, а именно вещий пророк Арлекин – он слышит этот грохот, слышит его каждый день, этот грохот падающего великана, и слышит его когда читает заголовки газет, и когда чистит площадь, чтобы почистить свою голову, и когда... что это?

Арлекин откладывает в сторону метлу, шарит в темноте и, наконец, поднимает с земли железную палку.

АРЛЕКИН. Железная флейта без отверстий, это даосский инструмент, это флейта, на которой невозможно сыграть, так же, как невозможно перепрыгнуть свою тень.

Он подносит флейту к губам и извлекает пробный звук. Арлекин улыбается.

АРЛЕКИН. Неплохо, неплохо....

Он снова подносит флейту к губам, и вдруг начинает играть на ней Aqualung Jethro Tull. За его спиной беззвучно рушится Советский Союз.

ЗАНАВЕС.

2017.